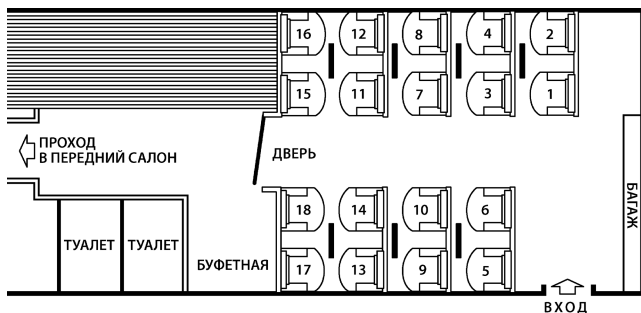

*Посвящается
Ормонду Бидлу*

ПЛАН ЗАДНЕГО САЛОНА
АВИАЛАЙНЕРА «ПРОМЕТЕЙ»

КРЕСЛА:

- № 2 — мадам Жизель
- № 4 — Джеймс Райдер
- № 5 — месье Арман Дюпон
- № 6 — месье Жан Дюпон
- № 8 — Дэниел Клэнси
- № 9 — Эркюль Пуаро
- № 10 — доктор Брайант
- № 12 — Норман Гейл
- № 13 — графиня Хорбери
- № 16 — Джейн Грей
- № 17 — Венеция Керр

Глава 1

РЕЙС ПАРИЖ — КРОЙДОН

Жаркое сентябрьское солнце заливало лучами аэродром Ле-Бурже. Группа пассажиров шла по летному полю, чтобы подняться на борт авиалайнера «Прометей», вылетавшего через несколько минут курсом на Кройдон.

Джейн Грей одной из последних взойшла по трапу и заняла свое место — № 16. Некоторые из пассажиров прошли через центральную дверь и крошечную буфетную, мимо двух туалетов в передний салон. Многие уже расположились в креслах. С противоположной стороны прохода доносился оживленный разговор, в котором доминировал пронзительный женский голос. Губы Джейн слегка искривились. Такого рода голоса были ей хорошо знакомы.

— Моя дорогая... это замечательно... не представляю, где это. Как вы говорите? Жуан-ле-Пен?.. О да. Нет — Ле-Пине... Да, все та же компания... Ну, конечно, давайте сядем рядом. О, разве нельзя? Кто?.. О, я понимаю...

Затем зазвучал мужской голос — деликатный, с иностранным акцентом:

— ...с величайшим удовольствием, мадам.

Джейн исподтишка бросила взгляд в сторону прохода. По другую его сторону невысокий пожилой мужчина с головой яйцеобразной формы и большими усами торопливо убирал с соседнего кресла свои вещи.

Джейн слегка повернула голову и увидела двух женщин, чья неожиданная встреча доставила некоторые неудобства мужчине. Упомянутое географическое название вызвало у нее любопытство, ибо Джейн тоже была в Ле-Пине.

Она прекрасно помнила одну из женщин. Помнила, когда видела ее в последний раз, — за столом, где играли в баккара. Маленькие кулачки женщины судорожно сжимались и разжимались. Ее со вкусом накрашенное лицо, словно вылепленное из дрезденского фарфора, то вспыхивало румянцем, то бледнело. Джейн подумала, что, если немного напрячь память, можно будет даже вспомнить ее имя. Одна из подруг Джейн как-то упомянула его и добавила: «Она вроде бы леди, но не совсем настоящая — хористка или что-то в этом роде». В голосе подруги прозвучало нескрываемое презрение. Это была Мейзи, занимавшая первоклассную должность массажистки, которая «удаляет» лишнюю плоть.

Вторая женщина, по мнению Джейн, представляла собой «первоклассную штучку» — крупную, величественную даму. Впрочем, она тотчас же забыла о женщинах и принялась с интересом изучать ту часть аэродрома Ле-Бурже, которая была видна из окна иллюминатора. На летном поле стояло еще несколько самолетов различных конструкций. Один из них напоминал металлическую многоножку.

Напротив Джейн расположился молодой человек в довольно ярком синем пуловере. Она старалась не смотреть поверх пуловера, так как могла бы встретиться взглядом с его владельцем, а это было недопустимо!

Послышались крики механиков на французском, взревели авиационные двигатели, затем стихли и взревели вновь. С колес сняли упоры, и самолет тронулся с места.

Джейн затаила дыхание. Это был всего лишь второй полет в ее жизни, и она еще не утратила способность испытывать трепет. Казалось, самолет сейчас врежется в ограждение, но он благополучно взмыл в небо и сделал разворот, оставив Ле-Бурже далеко внизу.

На борту находился двадцать один пассажир — десять в переднем салоне и одиннадцать в заднем, — а также два пилота и два стюарда. Благодаря хорошей звукоизоляции шум двигателей совсем не казался оглушительным, и затыкать

уши ватными шариками не было никакой надобности. Тем не менее он был достаточно сильным, чтобы отбить желание беседовать и расположить к размышлениям. Так что, пока самолет парил над Францией, направляясь в сторону Ла-Манша, пассажиры в заднем салоне предавались мыслям — каждый своим.

Джейн Грей думала: «Я не хочу смотреть на него... Не хочу... Лучше этого не делать. Буду продолжать смотреть в иллюминатор и думать, так будет лучше всего. Это позволит мне обрести душевное равновесие, я обдумаю все с самого начала».

Она решительно переключила сознание на то, что называла началом, — а именно, приобретение билета лотереи «Айриш свип». Это была настоящая блажь, но блажь весьма волнующая.

В салоне красоты, где, помимо, Джейн трудились еще пять молодых леди, царило веселье.

— Что ты сделаешь, если выиграешь его, моя дорогая?

— Я знаю, что сделаю.

Планы — строительство воздушных замков — шутливая болтовня...

Она не выиграла «его» — главный приз, — но выиграла сто фунтов.

Сто фунтов.

— Потрать половину, моя дорогая, а половину отложи на черный день. Никогда не знаешь, что ждет тебя впереди.

— На твоём месте я купила бы шубу. Настоящую шикарную шубу.

— А как насчет круиза?

При мысли о «круизе» Джейн заколебалась, но в конце концов сохранила верность своей первоначальной идее. Неделя в Ле-Пине. Столько ее клиенток побывало там! Ловко манипулируя локонами, Джейн машинально произносила традиционные фразы: «Как давно вы делали перманент, мадам?»; «У вас волосы такого необычного цвета, мадам»; «Каким чудесным было это лето, не правда ли, мадам?» — и в то же время думала: «Почему, черт возьми, я не могу поехать в этот Ле-Пине?» И вот теперь у нее появилась такая возможность.

Выбор одежды не представлял особых трудностей. Подобно большинству лондонских девушек, работавших в модных заведениях, Джейн умела создавать видимость следования моде, добиваясь поразительного эффекта при совершенно смешных затратах. Ее ногти, макияж и прическа были безупречны.

Итак, Джейн отправилась в Ле-Пине.

Как получилось, что десять дней, проведенных в этом городе, сжались в ее сознании до одного происшествия? Происшествия за столом с рулеткой. Джейн позволила себе тратить каждый вечер небольшую сумму на удовольствия, доставляемые азартными играми, и никогда не выходила за ее рамки. Вопреки популярному суеверию, ей, как

новичку, не везло. Это был ее четвертый вечер в казино — и последняя ставка этого вечера. До сих пор Джейн осторожно ставила на цвет или на одну из цифр. Сначала она немного выиграла, но потом проиграла бóльшую сумму, и теперь ждала, чтобы сделать последнюю ставку.

Никто еще в этот вечер не ставил на две цифры — пять и шесть. Не поставить ли ей на одну из них? И если поставить, то на которую? Пять или шесть?

Колесо завертелось, и после недолгих колебаний она поставила на шесть. Одновременно с ней другой игрок, стоявший напротив, поставил на пять.

— *Rien ne va plus*¹, — произнес крупье.

Щелкнув, шарик остановился.

— *Le numéro cinq, rouge, impair, manqué*².

Джейн едва не вскрикнула от разочарования. Крупье сгреб лопаткой ставки.

— Вы не собираетесь забирать свой выигрыш? — спросил ее стоявший напротив мужчина.

— Мой выигрыш?

— Да.

— Но я поставила на шесть.

— Нет, на шесть поставил я, а вы поставили на пять.

¹ Ставок больше нет (*фр.*).

² Номер пять, красный, нечетный, малые числа (*фр.*).

Мужчина улыбнулся обворожительной улыбкой. Он производил чрезвычайно приятное впечатление: ослепительно белые зубы, загорелое лицо, голубые глаза, короткая стрижка ежиком.

Джейн неуверенно забрала выигрыш. Неужели это правда? Ею овладело смятение. Она с сомнением посмотрела на незнакомца. Тот опять улыбнулся ей и сказал:

— Все правильно. Если оставить деньги на столе, их присвоит кто-нибудь другой, кто не имеет на них никакого права. Это старый трюк.

Дружески кивнув ей, он отошел в сторону. Это было очень мило с его стороны. В противном случае Джейн могла бы заподозрить, что он решил воспользоваться этой ситуацией, чтобы познакомиться с нею. Но мужчина явно не принадлежал к этой категории. Он был *славным*...

И вот он сидел напротив нее.

Теперь все в прошлом. Деньги потрачены, последние два дня (довольно скучных) проведены в Париже, она возвращается домой. И что дальше? «Стоп, — мысленно сказала себе Джейн. — Не нужно думать о том, что будет дальше. Будешь только нервничать».

Женщины по другую сторону от прохода замолчали.

Она бросила взгляд в их сторону. Женщина с лицом из дрезденского фарфора с недовольным видом рассматривала сломанный ноготь. Она по-

звонила в колокольчик, и в проходе тут же появился стюард в белом кителе.

— Пришлите ко мне мою горничную. Она в другом салоне.

— Да, миледи.

В высшей степени почтительный, чрезвычайно проворный и исполнительный стюард тут же исчез. Спустя несколько секунд вместо него появилась темноволосая француженка, одетая в черное. В руках она держала маленькую шкатулку для драгоценностей.

Леди Хорбери обратилась к ней по-французски:

— Мадлен, мне нужен мой красный сафьяновый несессер.

Девушка прошла в конец салона, где был сложен багаж, и вернулась с небольшим дорожным несессером.

— Спасибо, Мадлен, — сказала Сайсли Хорбери. — Он останется у меня, а вы можете идти.

Горничная удалилась. Леди Хорбери открыла несессер, обнажив его красиво отделанную внутренность, и извлекла из него пилку для ногтей. Внимательно, с самым серьезным видом, она довольно долго рассматривала в зеркале отражение своего лица, подкрашивая губы и добавляя пудры.

Джейн презрительно скривила губы и повела взглядом вдоль салона.

Дальше сидел невысокий иностранец, уступивший свое место «величественной» женщине.

Закутанный в совершенно излишнее кашне, он, казалось, крепко спал. Вероятно, почувствовав взгляд Джейн, иностранец открыл глаза, несколько секунд смотрел на нее, после чего снова погрузился в сон.

Рядом с ним сидел высокий седовласый мужчина с властным лицом. Он держал перед собой открытый футляр с флейтой и с нежной заботой протирал инструмент. «Забавно, — подумала Джейн. — Этот человек совсем не походит на музыканта; скорее, юрист или врач».

Далее располагались два француза: один с бородой, второй значительно моложе — вероятно, отец и сын. Они что-то горячо обсуждали, оживленно жестикулируя.

На ее стороне обзору мешала фигура мужчины в синем пуловере, на которого она, по непонятной причине, избегала смотреть.

«Чушь какая-то, — с раздражением подумала Джейн. — Волнуюсь словно семнадцатилетняя девчонка».

Тем временем сидевший напротив нее Норман Гейл думал: «Она прелестна... поистине прелестна. И, несомненно, помнит меня. Она выглядела такой разочарованной, когда ее ставка проиграла... Удовольствие видеть ее счастливой, когда она выиграла, стоило гораздо больше, нежели эти деньги. Я ловко проделал это... Как же она красива, когда улыбается — белые зубы, здоровые дес-